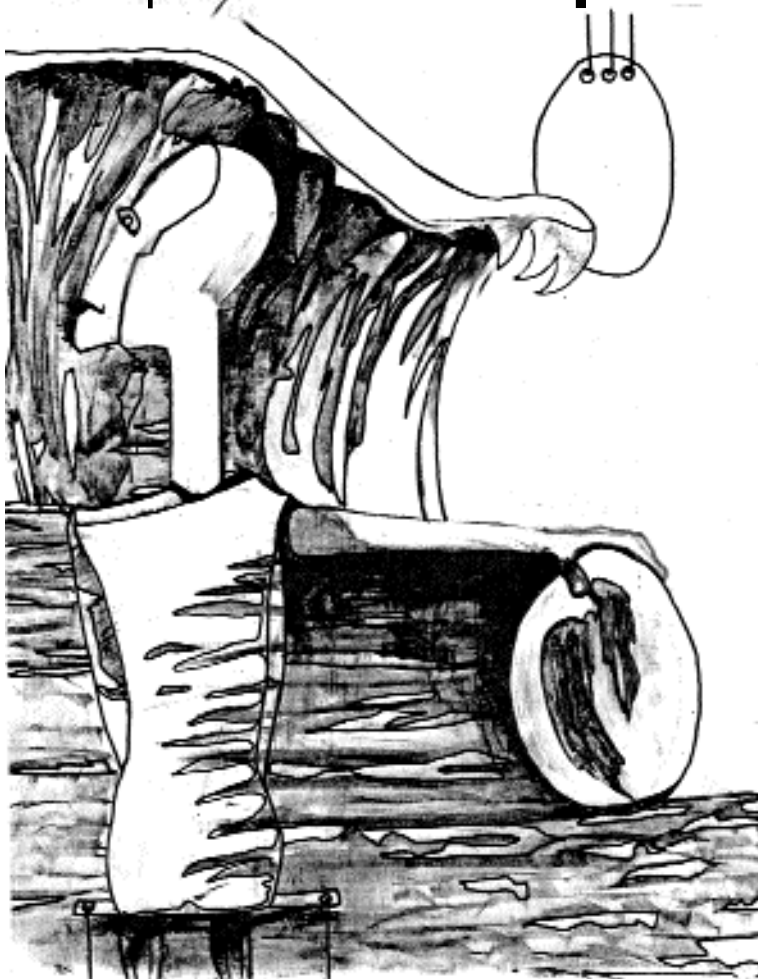

Несравненное право

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь...
Н. Гумилев*

I

Тени кривлялись на потолке. Горный пейзаж за окном тонул в стремительных сумерках, как в густом тумане.

Пора закругляться. Подумав так, Филипп Даникан, управляющий трудовой колонией на Крошке Эльзе, потер глаза и посмотрел на дисплей.

— Отбой, — сказал он.

— Без сказочки на ночь? — изумилась машина.

— Давай свою сказочку, — согласился он, ожидая ветхозаветное «Получите и распишитесь!», которым система после переустановки сопровождала результаты поиска информации.

— Кредитка недействительна, гони наличку! — рявкнул терминал.

Даникан мысленно послал восьмизначную благодарность программисту колонии. Опять, стервец, опросные листы не туда загнал...

— Добрый вечер, шеф!

На экране расплылся в улыбке Толик Шумилов, его суматошный, но толковый заместитель. Сказочник. Управляющий подумывал, что неплохо бы передать ему всю текучку, а самому осесть на какой-нибудь тихой планете, где нет навевающих меланхолию гор и черных провалов шахт.

— Притормози и глянь в окно. Ночь на дворе. Что там стряслось?

— Днем «Сокол» доставил четырех новичков. Если желаешь полистать их досье, то...

— ...можешь посидеть до утра. Чудненько. Почему «Сокол» принесло днем? Он ранняя пташка.

— Как правило, шеф. Но на Земле транспорт забарахлил, пока то да се... вот днем и добрался.

— А добираться по пересеченной местности, господа присяжные, то еще удовольствие, доложу я вам. За каждым углом их ждала засада, двигатели глохли от перегрузок... — заурчал терминал.

Да, теперь другие времена. Везде что-нибудь идет вразнос, подумал Даникан, пристраивая к благодарности системщику еще один этаж изысканной словесной архитектуры.

— А ты почему к вечеру снесся? Тебе ведь не добираться... по пересеченной местности...

— Где за каждым углом ждет засада, и двигатели глохнут от перегрузок, — передразнил терминал Шумилов. — Так у нас транспортер полетел. Пока нашли техника, пока заменили трак...

На лице Сказочника ни тени раскаяния. Филипп поморщился. Уж если Земля нарушает график доставки заключенных, почему бы не загнаться древнему транспортеру на старой колонии?

— Во зараза! — с чувством сказал Шумилов, глядя куда-то в сторону. — Омлет в кофеварке делает! Ну, проспится завтра Мастер Золотые Ручки, уж я ему вставлю... Тебя еще с креслом до потолка не поднимало?

— Это пятый уровень, — отшутился Даникан. — А я до сих пор третий не прошел. Мне только вместо калькулятора таблицу солнечной активности выводит...

Филипп потер виски. Смотреть досье не хотелось. Неожиданно навалилась усталость, спеленав тело и волю... и именно в этот момент он понял, насколько хочет послать все к чертям.

— Четверо, говоришь... Какой срок?

— А долг вернуть придется в нужный срок, — вмешался неугомонный терминал. — Из паутины предначертанных дорог ты выберешь единственную, ту, которая уводит в темноту...

— Трое — категория «С», тяжкие преступления, — Шумилов игнорировал загробное пение терминала. — Угон грузовика...

— С людьми? — Даникан на миг забыл об усталости.

— С урановой смолкой. Триера «Изумрудная ящерица», помнишь эту историю? Их взяли неделю назад. Ребята тихие, но себе на уме. Вообще-то им повезло. Отработают сорок лет и выйдут... А четвертый — ну, просто диагноз...

Даникан кивнул. «Диагнозом» на жаргоне колонии называли осужденных по категории «D». Убийство гражданина Галактики. После того как убийцы вкалывали положенный срок на серебряных рудниках Крошки Эльзы, их переводили в воспитательную колонию, где корректировали память. Часто таким галактам давали новое имя и новое место работы. Содружество Земных колоний гуманно. За сто пятнадцать лет действия реабилитационной системы количество правонарушений сократилось на шестьдесят три процента, а девяносто два процента впервые арестованных галактов уже не привлекались к суду повторно.

— Кто жертва? — без интереса спросил Даникан.

— Наместник Этера.

— Скверно, —отреагировал Филипп машинально, но тут что-то угрожающее померещилось ему в темном углу за дисплеем, и он поспешно добавил. — Я

просмотрю материал. Утро будет встречено во всеоружии. Все, отбой!

— Кому отбой, а кому еще кофе-варку мыть... — отозвался Шумилов.

Даникан зевнул, покосился на терминал. В банке памяти колонии появились четыре новых досье. Стоит ли просматривать их, чтобы информация забродила в голове, и он вновь во сне считал заключенных?

— Лучше недоработать, чем переработать. Золотое правило. Верно? — спросил Даникан у терминала.

— Цена Тройской унции снова поднялась на три пункта, — заговорщицки сообщил комп.

— Колоссально! — снова зевнул Филипп, и, уже выбираясь из кресла, понял, что разбудило в нем тревогу.

Этер. Дикий Этер. Первая колония Земли. Он так давно топтал его сапогами, что не только воспоминания о нем, но и само название подернулось паутиной времени. Осталась лишь болезненная неприязнь, вызываемая горами и соснами...

Какой-то негодяй убил (а убийство — тягчайшее из преступлений) наместника Этера.

Память перестала кокетничать и выложила козырным тузом имя наместника.

Бойд. Костас Бойд.

Даникан понял, холодея от этого понимания, что вся его долгая жизнь, вся карьера от мальчишки-курсанта до управляющего колонией предназначались для того, чтобы сейчас он стоял со вспотевшими ладонями перед консолью управления и боялся... боялся сделать запрос.

Филипп тяжело опустился в кресло. Заколело сердце, чего давно не случилось.

— Новые досье, — хрипло сказал он.

— Кредитка недействительна, гони наличку! — отозвался терминал.

II.

Проплыли три первых досье. Даникан тупо глядел в середину голографического экрана, наметив себе точку

восприятия, и весь кабинет, весь мир за ее пределами провалился в тартарары. Текли фотографии, цифры, даты, куски текста, журчали комментарии — он был неподвижен. Только бешено колотилось сердце, заглушая остальные звуки.

«ФЕРЕНЦ НИКОЛАЙ. ЛЕЙТЕНАНТ 32-ГО КОСМИЧЕСКОГО ДИВИЗИОНА СОДРУЖЕСТВА ЗЕМНЫХ КОЛОНИЙ.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ — ЛОНДОН (ЗЕМЛЯ). 21.09.2523.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РОДИТЕЛИ...»

«ФЕРЕНЦ АЛЕКСАНДР...»

Брат? Возможно.

«ЛИТАВ ЮРИЙ...»

Этот молодчик на сотню лет старше братцев-акробатцев. Дальше, дальше, дальше...

Сердце рванулось из последних сил и вдруг вернулось к прежнему ритму. Перед управляющим развернулось последнее досье. Сейчас он его просмотрит — и спать, спать, спать!

«КУОРРИ НИКОЛАС. МЕХАНИК-СБОРЩИК 2-Й КАТЕГОРИИ. КОСМОМЕТАЛЛУРГ.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ — БРИСТОЛЬ (АДЕЛАИДА). 20.04.2548...»

Боже, какой зеленый... и девятнадцати нет... Хм, где-то это лицо я уже видел. Очень знакомое.

«ГЕНЕТИЧЕСКИЕ РОДИТЕЛИ. МАТЕРИНСКАЯ ЛИНИЯ:

— КУОРРИ АЛЛА (19.02.2466 — ?). МЕДЭКСПЕРТ КОСМОПОЛИЦИИ ЗАЛИВА. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОГИБЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВА НА 3-М УРОВНЕ КОСМОПОРТА ЗАЛИВА В 2550 ГОДУ. ТЕЛО ОБНАРУЖЕНО НЕ БЫЛО.

— ТОДЗИО ЛИ (03.04.2560). АСТРОБИОЛОГ ИНСТИТУТА КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОДРУЖЕСТВА.

ОТЦОВСКАЯ ЛИНИЯ:

— ШАПОШИН ОЛЕГ (25.12.2384). НАВИГАТОР 6-Й НАЗЕМНОЙ ДИВИЗИИ АЛОНСО.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ:

2548 г. — **ВМЕСТЕ С ОТПОМ ПОЛУЧАЕТ ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО НА АЛОНСО...**»

Это все не то, не то... При чем тут Алонсо? Ох, где же он видел это лицо — широкое, скуластое, тонкие губы вот-вот разойдутся в усмешке. Рука вот-вот проведет по щеке — от левого уха до носа... Откуда он помнит этот жест? Бред. Прогрессирующий. Нику скоро девятнадцать, а сам Филипп сто пятьдесят два года безвылазно глазет на транспортеры Крошки Эльзы. За эти годы он перевидал столько лиц, столько ухмылочек и изгибов бро-вей, что им впору преследовать его ночами.

Довод-то убедительный, но лицо Куорри Николаса, 2548 года рождения не желало убираться из памяти. Даникан еще раз взглянул на фотографию. Нет сомнений, он видел парня.

Парень, да у тебя паранойя, подумал Филипп с неожиданным спокойствием. Эффект внушенного присутствия. То ли еще будет! Тебе бы опрокинуть стопочку, проветрить комнату и спать, спать... Никаких досье! Дались тебе этот Бойд и этот Этер!

Даникан подпер рукой пылающий лоб и стал читать дальше.

«2561 г. — **ЗАЧИСЛЕН СТУДЕНТОМ НА 1-Й КУРС МЕЖПЛАНЕТНОГО УНИВЕРСИТЕТА КОСМОМЕТАЛЛУРГИИ (ЗЕМЛЯ).**

2562 г. — **ПЕРЕВЕДЕН НА 2-Й КУРС.**

2563 г. — **ПРИВЛЕЧЕН К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЧАСТИЕ В СТУДЕНЧЕСКИХ ЗАБАСТОВКАХ (ДЕЛО У-XXXII, ЗЕМЛЯ, № 3.445.927).**

2563 г. — **ОКОНЧИЛ УНИВЕРСИТЕТ С ОТЛИЧИЕМ.**

2564 г. — **ПРИНЯТ НА РАБОТУ НА ОГНЕВИЦКИЙ ЗАВОД БЫСТРОЙ МЕТАЛЛОСБОРКИ (ЭТЕР) В ДОЛЖНОСТИ МЕХАНИКА-СБОРЩИКА 2-Й КАТЕГОРИИ.**

2565 г. — **ВО ВРЕМЯ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ КОЛОНИИ ЭТЕР ЗАСТРЕЛИЛ НАМЕСТНИКА СОДРУЖЕСТВА НА ЭТЕРЕ КОСТАСА БОЙДА. ВЗЯТ С ПОЛИЧНЫМ. АПЕЛЛЯЦИЮ**

ПОДАВАТЬ ОТКАЗАЛСЯ. ПОСТУПОК НЕ МОТИВИРОВАЛ. ПРИЗНАН ПСИХИЧЕСКИ ВМЕНЯЕМЫМ.

2565 г. — **РЕШЕНИЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА ЭТЕРА ОСУЖДЕН НА 10 ЛЕТ РУДНИКОВ КРОШКИ ЭЛЬЗЫ С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ...**»

Даникан прикрыл глаза.

— Орлята учатся летать... — прошептал он.

Кресло дрогнуло и поползло вверх.

— Цыц! — рывкнул он. — А ну, на место! Плачу наличкой!

— А не прокатит! Договорто кровью подписан! — злорадно отозвался терминал, подгоняя, однако, кресло к столу.

— Запомнить! — язвительно сказал Филипп. — Завтра подписать приказ о повышении Альбера Младшего, просторечно именуемого Мастер Золотые Ручки. Да будет он переведен со второго на девятый этаж в Отдел лифтеров.

— Решение окончательное и обжалованию не подлежит! — провозгласил терминал.

Не замечая заигрывания системы, Даникан перечитал досье.

Зачем восемнадцатилетнему пареньку с Красным Дипломом менять престижную работу на шахты Эльзы? Для расширения кругозора? Через несколько лет он стал бы начальником цеха, а там его карьера неуклонно поползла бы вверх. Чем ему не угодил Бойд, единственный недостаток которого — чрезмерная снисходительность, искупающая прошлые грехи?

Было иное время — мир менялся — и Бойд был другим. Много десятилетий назад Бойд и Даникан носили униформу «эринний» — карательного подразделения космополиции. Жаркими выдались эти 20-е годы прошлого века! Попотели «эринний», наводя порядок на восставшем Этере...

«Какие мысли! — пожурил себя Филипп. — Что с того, что Костас был твоим подчиненным? С каких это пор ты ищешь причины преступлений уже осужденных преступников?»

— Спать! — рывкнул Даникан компу и, не дожидаясь колыбельной, которой

теперь сопровождалось сохранение парметров, отправился к выходу. На ходу подумал: неплохо бы узнать, что представляет собой этот Куорри... Но это все завтра, завтра, завтра...

Часы показывали без четверти два.

III.

Ночью подкрался сон, вероломный спутник разгоряченного рассудка, заставляющий человека снова и снова переживать давние ошибки.

Под прикрытием сна в спальню проник кошмар, не посещавший Филиппа пятьдесят лет.

Даникан вновь стал сорокалетним юнцом, имеющим в запасе целых десять лет до второго омоложения. Снова он составлял единое целое с защитной формой, кобурой на бедре и парашютом за спиной. Его взвод, двадцать две «эриннии», поглотила ночь Этера. Люди бросились в ее жаркие объятия с низко летящего корабля, приземлились в нужном квадрате в указанное время и быстро сгруппировались...

...В те времена возникли предпосылки мятежа колоний, что вспыхнет со всей силой гораздо позже, через пару тысячелетий, на Кикладах, но никто из «эринний» Даникана не доживет до этого.

Середина третьего тысячелетия изменила историю земной космонавтики. Этер, первая колония Земли, обладал поистине неограниченными залежами ранее неизвестных бланколиновых руд. Получаемый из них белоснежный металл был идеальным материалом для нужд космической промышленности — необычайно прочным и легким, тугоплавким, криогенно — и коррозиестойчивым.

Однако концерн «Фобос», монополист добычи бланколины на Этере, вскоре выяснил, что неглубоко залегающие руды содержат ухудшающие их качество примеси. Руководство концерна не предало огласке результаты испытаний, снизив цены на экспортируемую руду.

Скандал разразился, когда обнаружилась нестабильность бланколины после многократных гиперпереходов. Началось следствие. На Этер пришел страх. Скамью Верховного Суда Соединенных Провинций Земли заполнило свободное от предрассудков, вроде всякой там чести, этерское братство. Инстинкт самосохранения — единственный двигатель истории. И обвиняемые оболгали много народа. Метрополия требовала сатисфакции. На концерн, торговавший некачественным сырьем, налагались астрономические штрафы. Во избежание трагедий Земля решила временно закрыть прииски «Фобоса». Это стало последней каплей. Банкиры и промышленники Этера поклялись блости лишь одни интересы — свои собственные.

Началось противостояние. Отношения с Землей были порваны. На Этере запахло гарью. Метрополия, не желая терять ценную планету, объявила войну мятежникам...

Цель отряда «эринний» под командованием Даникана — тогда еще старшего лейтенанта — была поставлена ясная: уничтожить базу «автономистов»...

...Ночь подыгрывала карателям. Ступая след в след, они прошли сквозь Дикие Топи. Скалы были тихи и мрачны, а за хребтом линейли небо прожекторы — повстанцы патрулировали отвоеванные земли. Даникан чувствовал тяжесть нагретого металла в ладони, тупую боль в вывихнутой ноге и злость на командование, одолевающую тем сильнее, чем тревожнее билось сердце.

Тропинка вывела к селению среди угрюмых скал раньше, чем они ожидали. Даникан был уверен в правильности маршрута, но этого скопления построек на электронной карте не было, из чего следовало, что где-то допущена оплошность: либо заблудились «эриннии», либо разведчики дали маху. Старший лейтенант выбрал первое. «Эриннии», расставив часовых, вошли в крайний, тускло освещенный дом.

Эти рабочие, не успевшие заблаговременно покинуть планету, похоже,

смирились с участью заложников в войне между Землей и Этером. Как крысы, забившиеся в самый укромный угол, они настороженно встречали чужаков. Даникан, не снимая пальца с курка, рассказал о разбившейся машине, и заблудившихся спасателях. Последнее было почти правдой.

Колонисты, поохав, согласились помочь. Через минуту ожидания дверной проем отпочковал невысокую фигуру в заляпанном мазутом комбинезоне и выдраенных до блеска ботинках. Парень сказал, что будет проводником. Шураясь от света мощных фонарей, он вышел из дома.

«Эриннии» двинулись за ним. Чернильная мгла скрывала спину впереди идущего. Шарящие лучи плодили обманные рытвины. Опасно сплетались тени. Проводник оскорбительно легко ориентировался в лабиринте построек, деревьев и обломков скал. Мягкая дробь его шагов слышалась все дальше и дальше. Тишина была настолько полной, что Даникану чудились тревожные аккорды какой-то дикой мелодии — то россыпь кастаньет, то гитарные переборы и взвизгивания скрипки, а то просто чье-то злорадное хихиканье.

Сначала близость бланколинового рудника свела с ума аппаратуру. Карты и рации отказали.

А потом «эриннии» осознали, что проводник исчез.

— Где эта сука задушевная? — сатанея, захрипел Даникан.

На миг все затаили дыхание. Бойд, самый чуткий, выстрелил в темноту. Раздался стон.

Бегодня, гвалт, неразбериха. Потом Даникан тряс за грудки раненого проводника и орал ему в лицо... лицо Ника Куорри:

— Где мы? Ты куда привел нас? Куда нас завел?

Колонист, жмурясь от направленных на него фонарей, окунул палец в кровь, бьющую из раны на бедре, и провел полосу на своей щеке — от левого уха до носа.

— Вам не выбраться отсюда... — Он нашел силы улыбнуться. — Каждый из вашего отряда — мертвец. Ну,

убьете вы меня... А толку? Вам не выбраться отсюда, а я... я и так умираю...

— Ты будешь умирать медленно, — пообещал Даникан, вынимая нож.

Первый удар пришелся в левое плечо колониста. Разошедшаяся ткань обнажила треугольную татуировку с эмблемой «Фобоса»...

Филипп проснулся, захлебываясь криком, словно холодное лезвие вонзилось в его тело. Он долго лежал, хватая ртом воздух, потом зашептал:

— Это сон, сон... всего лишь сон...

А потом взглянул на часы. Было двадцать три минуты шестого.

Больше Даникан не уснул.

IV.

Твой корабль улетел, милый, и остался ты на пустом космодроме в луже вонючего топлива, сжимая в кулаке бесполезный билет. Время вышло. Ты опоздал.

Сон воскресил давнюю правду. «Эриннии» убили повстанца с лицом Куорри, и никакая хирургия не могла собрать его заново.

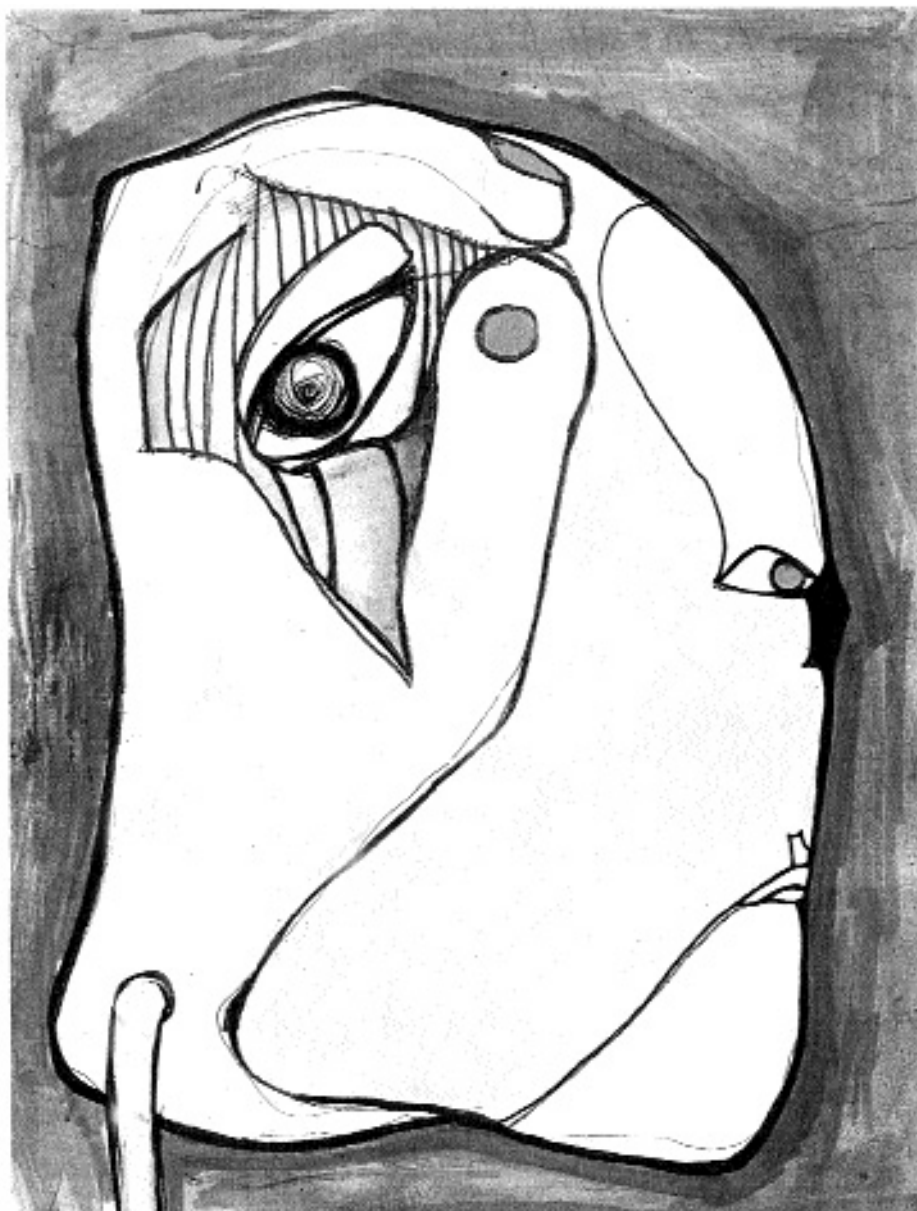
Филипп часто вновь и вновь переживал во сне неудавшийся рейд... каждый раз просыпаясь не от страха, а от досады. Чертов колонист сдержал клятву — только двое из двадцати двух «эринний» выбрались под ураганным огнем из ущелья.

Двое. Бойд и Даникан.

Теперь Костас стал горстью пепла.

Окажись проводник дьявольски живучим, ему было бы сейчас за сто лет, и досье отметило бы четыре курса омоложения. Куорри нет девятнадцати. Он родился через восемь-десять лет после подавления мятежа, на Аделаиде, в миллиардах световых лет от Этера и Бойда. В миллиардах световых лет, которые преодолеваются за несколько минут. Из какого гнезда выпал этот желторотик?

Узнав, где Куорри, Даникан подключился к видеокамерам шахты. Было начало десятого. Осужденные в соответствии с графиком занимали рабочие места, надевали шлемы, брались за кирки и

отбойные молотки. На Крошке Эльзе намеренно использовали допотопные методы добычи руды — бытует мнение, что физический труд облагораживает. Ну, об этом после...

Куорри, Куорри... Ага, вот он!

Даникан сразу узнал Ника. Если сходство расплывшегося в памяти лица повстанца с фотографией молодого преступника еще подвергалось сомнению, то теперь колебания отпали. Он!

Филипп, не мигая, глядел на парня — несущего на плече отбойник и вертящего на левом кулаке шлем. Вот он остановился, прислонил орудие к стене, огляделся — на губах блуждала такая знакомая улыбка, что Филиппу на миг показалось — время повернуло вспять, и он снова заносит нож над бездыханным телом проводника... Куорри стал застегивать шлем, и Даникан остановил изображение. Он так

долго всматривался в него, что начало казаться, будто осужденный смеется над ним...

Ах, эти глаза, эта полуулыбка...

— Кто же ты, а? — прошептал он, подавив дрожь. — Почему меня настигает выстрел, сделанный десятилетия назад? Этер до сих пор не хочет сдаваться... События давние, дела славные...

— Более древние события невозможно достоверно исследовать по давности времени, но по долгом размышлении над теми памятниками, которым можно довериться, я полагаю, что не было совершено никаких великих дел, ни военных, ни каких-либо других... — информировал терминал.

— Заткнись! — машинальноотреагировал Филипп. — Фукидид хренов... Обесточу!

«Он застрелил Бойда. — Его собственное отражение на зеркальной двери словно бы плотоядно облизнулось. — Теперь он пришел за тобой!»

— Черта лысого! Он же совсем дитя! А тот повстанец давно сгнил в горах Этера!

«Ты провожал его в последний путь? — злорадно мурлыкало отражение. — Нет, ты лишь указал направление. Уговаривай себя. Возможно, самовнушение позволит одну ночь поспать спокойно. Убеждай себя, что эта встреча — случайность, совпадение, нелепость... береги нервы. Ты даже не успеешь удивиться, когда точно такой же десантный нож...»

— Но мальчишка родился спустя две трети века после того, как «Фобос» сравняли с землей! — завопил Даникан. — Какое ему дело до подыхавших на чужой планете? Ему же нет девятнадцати! Да он в правнуки годится...

Филипп икнул от неожиданной мысли, подумал и связался с Верховным Судом Этера. Разница во времени оказалась на руку — на Этере был разгар рабочего дня.

Копну смоляных волос появившейся на экране женщины сдерживал обруч Верховного Судьи.

— Тамила Чан говорит. Здравствуйте. Чем могу помочь?

— Госпожа, вы подписали приговор Николасу Куорри?

— Да, — волнистая прядь упала ей на лоб. — Почему вы интересуетесь им? Кто вы, господин?

— О, простите, не представился... Филипп Даникан, начальник трудовой колонии Крошки Эльзы. Николас Куорри вчера поступил в мое ведение.

— Что вас интересует, господин?

— Видите ли... — Даникан замялся, толком не зная, о чем спрашивать. — Я... Мне... В досье отмечено, что Куорри не мотивировал преступление. Костас был моим другом... понимаете?

— Соболезную, господин Даникан. Все мы уважали господина Бойда, несмотря на слухи о его прошлом. За годы кураторства он много сделал для Этера и, если за ним и числились какие-то проступки, он искупил их. Николас сказал, что у него с наместником свои счеты, и Бойд получил обещанное. Больше он не проронил ни слова.

— Обещанное? — Даникан побледнел.

— Он держался твердо, — продолжала госпожа Чан. — Им можно было восхищаться, если убийца достоин восхищения. Сказал, что знает, что его ждет, но не раскаивается...

Филипп ошалело вперился в экран. Обещанное?

— Для его отца эта история стала испытанием — ведь он под началом Бойда восстанавливал Этер.

— Шапошин поддерживал связь с какой-нибудь из его матерей?

— Нет. Ни одна из матерей Ника не имеет отношения к Этеру.

— М-м-м... Госпожа Чан, мог ли кто-нибудь из прежних колонистов Этера или их потомков подтолкнуть Ника к убийству?

— Нет. Суд проверил эту версию в первую очередь.

— Ник не попадал в клинику с травмой головы? Ему не проводили операций на мозге?

— Нет, господин.

— Хорошо... — сжавший сердце спазм не хотел отпускать. — Госпожа Чан, не заметил ли кто перемен в поведении Николаса?

— Перемен? Да нет... Он просто... был смертельно испуган. Порой каза-

лось, будто он не понимает толком, что натворил.

— Внушение?

— Нет, медики не обнаружили следов псионического воздействия.

Филипп сосредоточенно разглядывал свои ногти.

— Господин Даникан... Это все, что вы хотели узнать? Если нужна видеозапись слушания...

— Нет. Я очень вам благодарен, госпожа. Больше ничего не нужно. До свидания.

— Господи, как я устал... — прошептал он.

— Все суета сует! — не преминул посочувствовать комп. — Промчится год за годом, и канет без следа... Займется новая заря, и снова догорит, и род пройдет за родом...

Не обращая внимания на вдохновенную декламацию, Даникан вызвал Сказочника.

— Доставь ко мне Куорри.

— Но шеф... А как же другие заключенные?

— Какие другие? — в первый момент Филипп опешил.

— Угонщики, — напомнил Шумилов. — Вы разве не желаете с ними побеседовать?

— Они что, объявили голодовку?

— Нет... пока.

— Они уродуют инвентарь? Подбивают заключенных к бунту? Раскурочили охрану? — в голосе Даникана проскользнули истерические нотки.

— Да нет же!

— Тогда доставь Куорри.

— Он что, напал на вас? — ехидно осведомился Шумилов.

Даникан помолчал, раздумывая, потом решительно сказал:

— Я сам спущусь в тоннель.

Часы показывали одиннадцать ноль-ноль.

V.

Лампы ровно освещают тоннель. Ник уже перестал озиаться на свою размноженную тень. Работа плевая — греми себе отбойником и относи порою на транспортер. Воспоминание о

первом дне, проведенном в подземном царстве, снова вызвало улыбку.

Ник вкалывал с остервенением, с той неумной старательностью, которой компенсируют причиненное зло. Когда разнесся гулкий сигнал, он не бросил работу. К нему подошел сам Сказочник, второе по важности лицо на Эльзе и заорал что-то, силясь перекрыть грохот отбойника.

Сильнее впившись пальцами в рукоять, словно она была панацеей от всех вселенских бед, Ник выключил аппарат и тихо сказал:

— Извините, я не расслышал.

Шумилов положил ладонь ему на плечо.

— Кончай гробиться. Пойдем.

Ник вздрогнул — впервые после оглашения приговора. В общей камере предварилки, среди разношерстной компании выделялся молодчик, подкованный по части законодательства — он дни и ночи напролет живописал свое бурное прошлое.

Куорри впечатлила одна небрежно оброненная фраза.

Рассказчик задушевно поведал, что часто смертный приговор не сообщается осужденному. Тот получает срок, не подозревая, что приговорен. И вот, он вкалывает на руднике... а в один паршивый миг его хлопнет по плечу кто-нибудь из администрации: «Хватит работать, сынок! Идем». И он идет за боссом, не ведая, что спешит навстречу своей смерти...

Наверное, у Ника был очень жалкий вид, потому что Шумилов рассмеялся:

— Вывести из строя транспортеры всегда успеешь. А сейчас время отдыхать.

Заместитель улыбался так тепло и так открыто, что Ник смутился.

— Ужасов нарассказывали, да? — продолжал Шумилов. — Не бойся. Смертные приговоры уже сотню лет как отменены, парень.

Шумилов, достаточно изучивший психологию осужденных, понял, что попал в цель. Ник словно засветился изнутри.

Слухи опередили прибытие Куорри на Крошку Эльзу, и теперь не один заключенный ломал голову, почему мальчишка совершил убийство.

— Эй, что с Бойдом не поделил? — не выдержал его напарник, Серж, осужденный за военную измену.

— Не знаю, — машинально ответил Ник и содрогнулся.

Об этом он старался не думать. Чтобы не сойти с ума. Он не знал, почему перечеркнул все прожитые годы. В чем разошлись их взгляды на мир в тот миг, когда Ник увидел куратора на празднике?

Что-то оглушило, вспыхнуло в памяти, и вдруг, будто простреленное, нестерпимо заньло бедро. Ник понял, что должен убить этого человека. Немедленно. Он даже удивился, как такая мысль не осенила его раньше — попасть на прием к Бойду было легко...

Он так и не вспомнил, откуда в его руке появилась ракетница. В руке, не дрогнув, пославшей золотой швермер в висок Бойда, но безвольно повисшей после выстрела. Когда люди расступились, и полицейские заломили ему руки, он едва не потерял сознание. Рубашка намочила от пота и прилипла к спине. Он убил человека... Вот он — только что радовался вместе со всеми, любовался фейерверком — и уже лежит изувеченный, бездыханный, под изумленно искрящимся небом...

Поймав взгляд Сержа, Куорри вымученно улыбнулся и пожал плечами — повтори, мол, не расслышал. Напарник хмыкнул и отвернулся — он не любил лезть в чужую душу.

Куорри с удвоенной энергией налег на отбойник, но диалог и хлынувшие следом воспоминания оставили мутный осадок. Что-то просилось на свободу из темницы памяти, что-то... забитое грохотом молотка и страхом.

Что?

VI.

Когда груда добытой породы достигла пояса, а пыль забоя проникла

даже под шлем, по тоннелю проплыл звон. Старожилы вздохнули с облегчением. Серж ослабилась:

— Айда отдохнуть, парень!

Время от времени он еще косился на Ника, словно пытаясь прочесть его мысли. Нельзя сказать, что это занятие дало потрясающие результаты. Вместе с Ником бывший солдат перетаскал в пять раз больше руды, чем предполагал в самых смелых надеждах, и теперь валился с ног от изнеможения. Куорри, мокрый от пота, только тяжело дышал.

«Пацан не хочет показать, что слабее меня!» — Эта мысль прибавила Сержу сил.

Он не знал, что кровь пульсирует в висках Ника, гремит неистовым тамтамом, пытаясь донести до него какое-то послание. Какое? Ник не мог понять — удары сливались в сплошной гул.

Второй час Даникан наблюдал за Куорри. Второй час не верил глазам. Кто же перед ним?

Когда на ближайшем из рекламных щитов появилось приглашение на турнир местных сноубордистов, Серж подтолкнул Куорри локтем:

— Эй, глянь, шеф речь толкает!

Мальчишка оглянулся, скользнул глазами по начальнику колонии в спортивной экипировке... и замер. Отбойник выскользнул из его пальцев. Ник рванул застежку шлема, словно тот душил его, потом схватился за левое плечо. Затем отнял руку и боязливо взглянул на ладонь, опасаясь того, что мог там увидеть. Кровь... Он был уверен, что кровь бьет из перерезанной артерии...

Отключив связь, Даникан опустил взгляд на свои дрожащие руки. Старина Ник узнал его. Узнал...

Открыв ящик стола, мужчина достал пистолет. Проверив заряд, заткнул оружие за пояс и решительно вышел из кабинета.

— Винопитием усладись, герой! — донеслось вслед.

— Эй, да что с тобой?

Куорри не слышал оклика. Стоило инструменту вонзиться в выхвачен-

ный лучом фонаря уступ, как юноша ощутил дыхание недр, ритм их жизни. Не зря он окончил с отличием Университет Космометаллургии! Сейчас Николас знал, почему трещины скалы разбегаются так, а не иначе, почему порода крошится под ногами, но тяжело набухла над головой. Успеть бы... Грандиозная идея, миг назад родившаяся в его истерзанном мозгу, не давала расслабиться. Успеть, успеть...

Повторный крик заставил его очнуться.

— Ты что, ошалел?

Опустив молоток, Ник провел рукой по шлему, словно вытирая пот со лба. Зачем его отвлекли? Секунду назад у него была цель, оправдывающая любые средства: он вздрогнул от жгучей боли в плече, животе, груди — что-то терзало и рвало его на части. А сейчас — пустота...

— Что произошло? — прохрипел он.

— Не знаю... — Серж смутился от тяжести его взгляда. — Ты увидел Даникана и схватился за дробилку, как помешанный.

Ник пожал плечами и вернулся к работе. Для него не существовало человека по имени Даникан. Важно другое — кто таился внутри Даникана, верно? Больше всего на свете он хотел встретиться с этим таинственным незнакомцем. Более того, — он знал, как они отметят свою встречу.

VII.

Рабочие их смены ушли один за другим, только Серж задержался, чтобы увериться, что Ник игнорирует перерыв. Грохот отбойника гулко разнесся в опустевшем тоннеле.

— Нет ничего плохого в том, что ты хочешь расположить к себе начальство, — наконец заметил он. — Но есть более верные способы. Например, записаться в команду сноуборда или подводного плавания. Даникан покровительствует любителям активного отдыха... Собирайся, парень!

Ник ухмыльнулся. Даникан должен прийти к нему. А раз так, следует поторопиться... задуманное необхо-

димо закончить... закончить немедленно.

— Я не успокоюсь, если буду знать, что работа не завершена... — Ник улыбнулся от чистого сердца. — Ты иди... Мне осталось — всего ничего!

Серж пожал плечами и положил свой молоток недалеко от транспорта.

Когда стих шелест дороги, Куорри бросился на скалу с остервенением идущего в атаку штрафника. Ему нечего было терять. Неожиданно замигал один из прожекторов под сводом шахты. Юноша налег на отбойник, вонзая вращающееся жало в плоть земли. Отшвырнув шлем, он подставил лицо осколкам. На щеках заагели первые порезы. Неотступная мысль жила в каждой жилке, в каждой вздувшейся вене — успеть! Успеть до того, как анализирующий деятельность заключенных сканер поднимет тревогу. Успеть...

Корпус отдыха заключенных располагался недалеко от входа в главную шахту. Даникан остановился возле турникета, гадая, куда направиться. Рассуждая здраво, во время обеда Куорри должен находиться в столовой. Однако за последние два дня вера Филиппа в возможности разумного подхода к некоторым проблемам заметно поблекла.

Рокот поднимающегося с нижнего уровня трака достиг его слуха. Выработка первой смены продолжала поступать на поверхность.

Даникан взглянул на застекленный фасад столовой — осужденные отдыхали, игнорируя проблемы и заботы большого мира. Кто же из этих орлов решил в одиночку перевыполнить дневную норму всей колонии?

Напрашивался вполне определенный ответ. Филипп рванулся к лифту. Два робота охраны, активируя парализаторы, поспешили следом. Кабина опускалась раздражающе медленно.

Потом Даникан петлял коридорами, игнорируя самоходку. С нарастающим звуковой лавиной крепла уверенность, что он успеет как раз вовремя, чтобы стать главным действующим лицом надвигающейся трагедии. Но что мог задумать Куорри?

Бывший старлей ожидал всего — засады, огнемета в руках Ника, баррикады из камней, скандирующей толпы — чего угодно... только не того, что, наконец, предстало его взгляду.

Посреди забоя высилась гряда руды. Куорри сменил отбойник на кирку.

Боясь сделать резкое движение, Даникан повернулся к сопровождающему:

— Что здесь происходит?

Роботы, управляемые системой, над которой колдовал Мастер Золотые Ручки, сейчас тоже были далеки от идеала. Они долго смотрели на потолок забоя, потом переглянулись — Филиппа передернуло от этого чисто человеческого, заговорщицкого жеста.

— И снесла курочка яичко, — душевно сказал первый охранник. — Да не простое, а золотое...

Собственно, информация не требовала перевода. Куорри напал на богатую жилу. Вроде бы все в порядке, но... Безмятежность ситуации, словно ширма, скрывала что-то страшное. Даникан, как ни старался, не мог представить, откуда нагрянет беда.

Паникуя, он закричал:

— Эй, прекрати!

Николаас спиной чувствовал его присутствие, знакомый голос ранил память. Куорри не останавливался; удары его кирки разнились по силе. По краям очерченного взглядом круга он бил сильнее, насилуя каждую мышцу своего тела; в середине же слегка касался скалы, будто ласкал...

— Ник! Хватит! Остановись! — Даникан сорвался на безумный вопль — ледяные щупальца ужаса обвили его горло.

Застонав, Ник быстрее замахал киркой. Ему чудилось, что рана на левом плече разверзлась, и кровь струится по телу.

Под потолком шахты раздалось шипение. Рассыпав сноп искр, потух мигавший прожектор.

Даникан задрал голову. Поначалу он принял серые переливы под крепью за отблески серебра, но когда узкая блестящая полоса стремительно достигла земли и потянулась к нему,

он оцепенел. Филипп не сводил глаз с наконечника кирки, расточавшего брызги металла и влаги... мыслями переносясь в горы Этера, пронзаемые холодным ветром.

Ощувив беспомощный взгляд, Николаас обернулся, впервые прямо посмотрев в глаза своего врага. Мстительная улыбка наполнила на его губы.

— Вспомнил? — спросил он.

— Не м-может быть! — прохрипел Даникан. — Не может этого быть!

Куорри закрыл глаза. Боль ножевых ударов лишала его разума, силы таяли с каждой секундой... Еще немного и он упадет бездыханным, распадется на сотни частиц, на миллиарды атомов, навеки запечатлев в памяти образ своего убийцы.

Задыхаясь, Ник занес кирку.

— Нет... — прошептал Даникан. — НЕТ!!!

Набрав в грудь воздуха, Куорри завопил и что есть мочи метнул инструмент в стену.

Запоздало взвыли сканеры роботов. Багряный сполох тревоги прокатился по шахте.

Кирка, звеня, отскочила на груды камня. По своду галереи побежали тонкие трещины, с ними пришел ни с чем не сравнимый шум. Животный инстинкт призывал Даникана сорваться с места, но он стоял, зачарованно глядя перед собой.

Сквозь забой, круша крепь, хлынула изменившая русло река. Опрокинув онемевшие рекламные щиты, подхватив Даникана и Куорри, подмяв под себя роботов, поток бесновался в узких тоннелях, взбирался по шахтам лифтов, волоча за собой инструменты, кабель и аппаратуру.

Крик Даникана потонул в скрежете ломаемых опор и звоне турникетного стекла. Освобожденная стихия сбила с ног слонявшихся возле шахты служащих.

Превратив вход в рудник в пульсирующий ключ, река, искорежив свежечиненный трак, сбросилась с уступа небольшим водопадом и, поплутав по ложбинам, через два километра воссоединилась со своим руслом.

VIII.

...С рудником покончено. С Даниканом, наверное, тоже...

Эти две мысли возникли в опустевшей голове Куорри внезапно и ярко, затем притушили краски и закружились в разной последовательности. Большей мыслей не возникало.

Солнце жгло голову и выпаривало влагу из одежды. Мелкие камни врезались в тело, но причиняемая ими боль была тупой и даже приятной.

Скрип песка выдал чье-то приближение. Ник попытался подняться, но охнул и повалился лицом в землю. Тело ныло, словно от непосильной работы. Левую ногу пронзала дергающая боль.

Измятый робот корпуса охраны изучал его, склонив голову набок.

— Не посчастливилось злобной несъити мной поживиться, плотью лакомой, пищей пиршественной в глубоководье, зато наутро, в прибрежных водах всплыли распухшие туши животных, клинком усыпленных, — изрек он.

Юноша вздрогнул, перевернулся на живот и оперся руками о камни. Теперь он видел реку, вытекающую из жерла бывшей шахты и тело Даникана, застрявшее в рельсах транспортера. Поодаль, в тени мастерской, как курортники на взморье, небрежно развалились несколько человек. Краешком сознания Ник понял, что эти шахтеры мертвы, и причина их смерти — он.

Раскаяние обожгло его. Так не должно было случиться. Они не могли умереть — после того, как Верховные Суды земных колоний сохранили им жизнь. Почему они должны расплачиваться за то, что восемнадцатилетнего паренька преследуют кошмары?

Куорри беззвучно заплакал, даваясь слезами, и еще раз попытался встать. От боли в сломанной ноге он прокусил губу, сделал неверный шаг... и упал навзничь, проваливаясь в темноту...

...или это был не он, а кто-то другой?

Вокруг столпились бурые скалы, о чем-то шептавшиеся с ветром, земля

поросла мхом и бледными, склизкими грибами, сосны сыпали хвоей... А он обнимал эту землю, и кровь капля за каплей покидала его тело. Одежда почему-то прилипла к коже, и Ник не сразу сообразил, что исполосован десантным ножом, и не чувствует боль лишь потому, что чувства и эмоции только мешают тем, кто вот-вот нырнет в дивный колодец света. Сердце согревала только сладость мести, уверенность, что ни один каратель не выйдет из ущелья — уж он-то с друзьями проследит за этим! Но отголоски клятвы становились слабее и слабее... и, наконец, исчезли совсем.

Потом появились люди в униформе «Фобоса». Потревожив его покой, они засуетились, забегали. Нику хотелось закричать так, чтобы горы ответили обвалом: «Я мертв! Мертв! Оставьте меня!» Но его переместили под прозрачный колпак реаниматора и долго везли куда-то, изредка впрыскивая под мертвую кожу зеленоватый раствор.

Затем был блеск аппаратуры, ключие электрические разряды и шкала, пляшущая на голубом экране. Был озабоченный голос: «Помощь опоздала. Клетки мозга отмирают. Но генетический материал можно спасти... грех пропадать такому добру!» И были скользкие прикосновения скальпелей, ненавязчивое насвистывание врача, бульканье теплой жидкости... И он растворился в протоплазме, распался на цепочки генов, в тишине и покое переживая подавление мятежа и, наконец, унесся среди сотен подобных безымянных трофеев метрополии прочь от залитого кровью Этера, чтобы спустя годы, поколения и комбинации генов вновь появиться на свет сотнями орущих младенцев и сотни раз увидеть сквозь стеклопластик инкубатора улыбки операторов, ведущих учет новорожденных...

— Чертова медицина! — прошептал Ник. — Проклятое право на жизнь! Почему меня просто не похоронить? Зачем клонировать клетки? Зачем?

Нику казалось, что он помнит го-

ды, проведенные в пробирке в ожидании повторного появления на свет. Инкубаторы Земли работали день и ночь, восполняя военные потери. Тот, кто теперь был Николасом Куорри, шел через перерождения, ожидая своего часа — замороженная личность, уснувшая память, наконец, разбуженная возвращением на Этер...

Используя первоклассный генетический материал — как думали врачи — они своими руками подготовили пришествие убийцы. Убийцы, который будет жить спустя полтора века. Который никогда не отступится от своей жертвы... И никогда не объяснит, что толкнуло его на преступление.

Но ведь он вспомнил прошлое безымянного колониста. Свое собственное прошлое?

У Ника закружилась голова.

— Наверное, я был предан «Фобосу»... А ты, — он улыбнулся Даникану, словно тот внимал ему, — ты был хорошим солдатом и, может, неплохим человеком. Жаль, я уже не узнаю этого наверняка. Военные преступления не должны измеряться законами мирного времени...

С минуты на минуту подспеют роботы и начнут восстанавливать технику. Позаботятся они и о телах. Погибших попытаются вернуть к жизни. Куорри знал, что если останется здесь, ему окажут квалифицированную помощь. Но он бы не хотел, чтобы через год, два или десять что-то вновь взорвалось в его памяти, и палец лег на спуск. Он не желал мучиться кошмарами. Он не виноват в том, что, умирая, все свои желания и

стремления сосредоточил на мщении. Сколько бы «эринний» не выжило, они заслужили спокойную жизнь.

Нет, убийств больше не будет.

— Понял? — Ник в упор посмотрел на неподвижного, но, будь он проклят, внимательно наблюдающего за ним робота. — Накося, выкуси...

Робот повернул гладкую, как яйцо, голову, в сторону транспортера. Исковерканный трак, скрежеща, сдвинулся с места и загрохотал к дробильному цеху. Куорри подумал, что у попавшего туда человеческого тела были все шансы стать воспоминанием.

— Да, то, что надо, — сказал Ник, последним усилием подползая к конвейеру. — Никаких более вспышек памяти!

Робот приблизился, навис над ним и... бережно перенес непослушное тело на транспортер.

Ник зажмурился, на миг усомнившись, что не умер. Не мог в реальной жизни охранник трудовой колонии организовывать побег заключенному, даже если это побег из жизни.

Он открыл глаза, но...

— Молчи, — раздалось в ответ на незаданный вопрос. — Несравненное право — самому выбирать свою смерть.

Из динамиков донесся баюкающий мотив космического вальса.

Безмятежно улыбаясь, Ник затрясся на неровной ленте навстречу многотонному прессу, чтобы навсегда освободиться от своей клятвы.

Часы на запястье Даникана равномерно отсчитывали время.

Было без четверти два.

.....

ОБ АВТОРЕ:

Молодая крымская писательница-фантаст Ксения Михайловна Гусева родилась 5 мая 1976 года в г. Краснотурьинске Свердловской области, а спустя два года семья переехала в Крым в г. Феодосию. В 2000 году окончила исторический факультет Таврического Национального университета по специализации «Древний мир и средние века». Работала в Феодосийском краеведческом музее; с 2003 года — сотрудник Феодосийского музея денег. С тех пор опубликовала в периодической печати около 10 рассказов.

Участница I и II Международных фестивалей «Крымская Альгамбра» 2000-2001 гг. и Крымского Республиканского литературного семинара фантастики «Фанданго» 2003-2004 гг.